

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссов Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

носить. Делалось это неофициально. 26 июля 1957 г. в ФРГ был принят закон о титулах, орденах и знаках отличия, в соответствии с которым официально разрешалось носить ордена, медали и значки, попадавшие прежде под денацификацию.

¹ Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1988. — С. 452.

² Большой энциклопедический словарь. — С.Пб.: Большая Российская энциклопедия, «Норинт», 1998. — С. 1418.

³ Тарас Д. Боевые награды СССР и Германии Второй мировой войны. — М.: АСТ, Минск: Харвест, 2003. — С. 80.

В.В. Крапивина (Киев, Украина)

ДВА ДОМАШНИХ СВАТИЛИЩА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ОЛЬВИИ И ТИРЕ

Религия, как известно, составляла основу миропонимания древних греков. Переселенцы принесли в Северное Причерноморье привычные им культы греческих богов. Однако на протяжении почти тысячелетней истории в духовной культуре античного населения здесь происходили изменения, как сходные с общеэллиническими, так и связанные с локальными особенностями региона. Тем не менее, религия оставалась постоянно одним из главных связующих звеньев полисов Северного Причерноморья с остальным античным миром.

Отметим, что наряду с общественными культами, у древних греков Северного Причерноморья широко было развито домашнее почитание богов.

В то же время, находки домашних святилищ достаточно редки, особенно для первых веков нашей эры. Обычно это является следствием их плохой сохранности и слабой функциональной выраженности. Именно поэтому обнаружение каждого из них заслуживает самого пристального внимания.

Домашнее святилище в Ольвии раскрыто в юго-восточной части Верхнего города, на территории цитадели, в так называемом южном доме. Этот дом располагался уступообразно по склону, примыкал с запада к подпорной стене террас, с севера и востока был ограничен улицами. Выявлено шесть помещений и большой двор. Часть помещений была производственно-хозяйственной, часть – жилой. Особо отметим северо-западное помещение, связываемое с домашним святилищем. Сохранившаяся высота стен – до 2,3 м, раскрытая длина помещения – 17,7 м, ширина – 4,0-4,4 м. Следы пожара, приведшего к гибели дома, здесь видны наиболее ярко, толщина слоя разрушения – более 1,5 м. В сырцово-каменном завале прослеживается неравномерно просевший глинобитный пол верхнего этажа с остатками сгоревших деревянных балок и досок, подстилавших его, а также

следами тростника (камыша). В качестве примера отметим некоторые из них. В частности, была раскрыта балка, лежавшая по оси запад-восток, размерами в плане: 0,50×0,15 - 0,25 м. Другая – уходила вертикально вниз, она имела прямоугольное сечение, размерами: 0,20×0,17 м. К востоку от нее, на расстоянии 1,0 м, раскрыты остатки еще двух балок, одна из которых уходила наклонно вниз, другая, размерами: 0,52×0,10×0,07 м – лежала практически горизонтально.

Сопровождающий материал из завала камней и слоев пожара насыщен керамикой, которая датируется второй половиной II–III вв. н.э. Это фрагменты амфор, лепной посуды, краснолаковой, красноглиняной, сероглиняной и светлоглиняной гончарной посуды, изделий из стекла (встречается также оконное стекло), металла и камня. Следует упомянуть находку ножки амфоры с перегоревшими зернами ячменя, фрагмент бронзовой пластины с орнаментом, вероятно, часть браслета.

Уровни пола помещения нижнего этажа выявлены ниже слоя разрушения. Это помещение было подвальным, имело ярко выраженное хозяйственное назначение. В нем раскрыты каменные загородки, подмосты, два вкопанных пифоса (целый и нижняя половина), ряд хозяйственных ям и очагов, уложенные в два ряда на полу большие амфоры, в основном так называемые мирмекийские, имевшие дипинты по горлу и плечикам. Вход в это помещение находился с востока, из соседнего помещения. Вход в помещение верхнего этажа, очевидно, осуществлялся со двора, примыкавшего к нему с юга. Пол верхнего этажа был глинобитным, сделанным поверх тростника (камыша), разложенного по деревянным перекрытиям, состоявшим из балок и досок, как это зафиксировано и для Средиземноморья¹.

О назначении верхнего помещения представляется возможным судить на основании находок в слое пожара. Это, прежде всего, небольшой постамент сероватого мрамора прямоугольной формы, размерами: 26,0×20,6×4,8 см. На верхней грани по центру были сделаны насечки для установки статуэтки Матери богов. На лицевой грани сохранилась двустрочная надпись на древнегреческом языке: $\text{HPAKAE[ONE]Y\text{C}\text{E}\text{Y}\text{B}\text{I}\text{Y}/\text{MHTPI}\text{O}\text{E}\text{O}\text{N}$ - Геракле[он], сын [Е]всебя Матери богов. Имя дедиканта на постаменте, скорее всего, принадлежит хозяину дома. Здесь же найдена герма белого мрамора, высотой 17,8 см. Она прекрасно сохранилась, слегка отбит только нос, выполнена, вероятно, малоазийскими мастерами не ранее II в. н.э. Она является копией герм, известных с V в. до н.э., по иконографии близка Гермесу Алкамена². Голова Афродиты, также белого мрамора, высотой 10,6 см, сохранилась хуже. Поверхность ее заглажена, так же как и основание шеи. По иконографии она близка статуям III–II вв. до н.э.³ Вероятно, голова скульптуры эллинистического времени продолжала использоваться позднее.

Курильницы представлены двумя основными типами: характерными для западных провинций Римской империи – конической формы с защипами по венчику, с остатками белой краски, и местными лепными, со следами белой и красной краски. Отметим такие находки, как известняковая импостная капитель с двусторонней обработкой фасадов, карниз интерьера с остатками штукатурки, а также небольшую гальку с граффити VII, найденную в святилище, и гальку с граффити DM, обнаруженную в верхней части хозяйственной ямы на нижнем этаже. Значительная площадь помещения, оформление интерьера с использованием известняковых карнизов и колонок, характер находок – позволяют предположить, что оно было домашним святилищем⁴.

Находка в слое пожара серебряного денария Александра Севера (222–235) дает *terminus post quem* разрушения дома⁵, которое произошло во время первого, так называемого «готского», разгрома Ольвии. Вскоре после гибели дом был восстановлен, за исключением святилища и помещения под ним. Они, скорее всего, были засыпаны, новое строительство здесь фиксируется только в конце III - начале IV вв. н.э., после временного прекращения жизни на городище в результате разгрома готами в 269-270 гг.⁶

Общее почитание Гермеса и Афродиты известно в античном мире и характерно для Ольвии уже с VI в. до н.э. Здесь более всего проявилась их связь с плодородием и семейным благополучием. Святилище Гермеса и Афродиты в VI–IV вв. до н.э. размещалось в северо-восточной части Западного теменоса, где выявлены ограда, алтари и портики⁷. Сравнительно недалеко, в юго-восточной части теменоса, располагалось святилище Матери богов (Кибелы). Наибольшее развитие в Ольвии этот культ получил в частной среде, будучи очень популярным у ольвийского населения на протяжении всего периода существования города. Образ Матери богов для ольвиополитов – это материнское начало всех известных им божеств⁸. Все это свидетельствует о продолжительности почитания в Ольвии Афродиты, Гермеса и Матери богов в определенной их связи. Для Боспора, по данным городского святилища Китея, характерно почитание Афродиты вместе с Дионисом и Гераклом в качестве мужской ипостаси плодородия. При этом места их почитания соседствуют с культовой площадкой Великих богинь⁹.

Домашнее святилище в Тире связывается с так называемым западным домом (IV). Он располагался у Первой поперечной улицы, на третьей террасе. В нем также прослеживается слой разрушения, аналогичный описанному выше. Этот дом состоял не менее чем из шести помещений и одного или двух внутренних дворов. Западная часть дома разрушена позднейшими средневековыми сооружениями. Ниже них, под сероглинистым слоем, находился компактный слой желтой глины с небольшим количеством находок. Ниже него раскрыт завал камней, толщиной 0,7 м, под ним – завал черепицы (толщиной 0,2 м) и обугленного дерева. Среди фрагментов

черепицы выявлены скульптуры: герма с головой бородатого Диониса, рельеф с изображением мойр, рельеф с изображением воина – «варвара»¹⁰.

Под черепицей – дубовые колоды и доски, как считала А.И. Фурманская, от обшивки кровли. Одно из бревен сохранилось на длину до 4,0 м, его диаметр – 0,13-0,16 м, ширина досок – 0,20-0,25 м. Доски покрыты слоем глины, местами – с отпечатками соломы. В местах стыка бревен найдено много железных гвоздей. В юго-западной части помещения под обвалом бревен выявлены остатки мужского костяка, слева от него – наконечник копья. На полу, на уровне бревен, найдено много фрагментов гончарной и лепной керамики, фрагментов амфор III в. н.э., а также фрагменты и целые узкогорлые амфоры, в которых сохранялись просо или ячмень. В северо-западном углу раскопана нижняя часть красноглиняной желобчатой амфоры *in situ*, в юго-восточном, на полу – кости собаки, а посередине, вдоль западной стенки – кусок витой веревки и фрагментированный железный замок. Здесь же найдены фрагменты железных и стеклянных изделий, костяной двусторонний гребень, обломок зеркала сарматского типа, культовые сосуды (три небольших одноручных красноглиняных кубка с дипинти белой краской, служившие, вероятно, для возлияний в честь богов¹¹). Напротив порога, почти посередине помещения, раскрыт жертвенник прямоугольной формы в виде глиняной площадки со скругленными углами, размерами в плане: 1,0×0,9 м, высотой – 0,15 м. А.И. Фурманская отметила фрагмент амфоры с высокоподнятыми ручками. Монеты, найденные на полу, плохой сохранности, они разрушены во время пожара. Удалось определить только одну – местной чеканки с изображением Александра Севера и надчеканкой в виде виноградной грозди на лицевой стороне и надписью ТΥΡΑ и изображением местной богини с рогом изобилия в левой руке и веслом в правой руке – на обратной стороне. Помещение, несмотря на наличие большого количества бытового материала, безусловно, имело культовое назначение¹², вероятно, это домашнее святилище.

По аналогии с домашним святилищем, раскрытым в Ольвии, можно предположить, что вышеописанное святилище, выявленное в Тире, также располагалось на верхнем этаже. Мраморные скульптуры были найдены не на уровне пола, а среди фрагментов черепицы, ниже завала камней. Доски покрыты слоем глины, местами – с отпечатками соломы. Вероятно, это не следствие укладки черепицы на слой глины с посеченной соломой поверх дощатой обшивки, как писала А.И. Фурманская¹³, а обрушившийся вследствие пожара глинобитный пол верхнего этажа. Следует заметить, что подобная укладка черепицы, во-первых, технически вряд ли возможна, а, во-вторых, она привела бы к неоправданному утяжелению кровли, которую вряд ли бы выдержали деревянные конструкции крыши. Нижний этаж, как и в Ольвии, был хозяйственным, именно поэтому там выявлены амфоры с зерном, нижняя часть вкопанной амфоры, скелет собаки. Глинобитная площадка, принятая за жертвенник (ее высота составляла всего 0,15 м),

имела, скорее всего, хозяйственное назначение (очаг? «столлик»?). Наличие двух этажей, на верхнем из которых располагалось домашнее святилище, а нижний использовался для хозяйственных целей, объясняет столь разный характер находок из слоя пожара. А.И. Фурманская пыталась объяснить это несоответствие тем, что в связи с угрозой нападения наиболее ценные вещи и продовольственные запасы собрали в одном помещении¹⁴.

Наличие мраморной скульптуры позволяет судить о том, с почитанием каких божеств было связано святилище. Герма с головой бородатого Диониса с коримбами, рельеф с изображением мойр, рельеф с изображением воина в варварской одежде¹⁵, вероятно, героизированного предка¹⁶, связаны с почитанием хтонических божеств.

По мнению А.И. Фурманской, найденные в помещении вещи дают основание считать, что оно погибает, как и весь дом, скорее всего, в середине III в. н.э.¹⁷ Для обоснования даты гибели помещения домашнего святилища вследствие нашествия карпов в 214 г. Н.А. Сон попыталась пересмотреть эту датировку. Для этого она подвергла сомнению, прежде всего, условия находки и датировку монеты, найденной в домашнем святилище, хотя А.И. Фурманская дает точное определение найденной монеты и ее вывод не вызывает возражений у П.О. Карышковского и И.Б. Клеймана¹⁸. Ранее я уже писала об этом¹⁹, однако вкратце повторю основную аргументацию, связанную с монетой. Н.А. Сон пишет, что на реверсе монет Александра Севера обычно не встречается изображение Тихе с рогом изобилия и рулевым веслом, оно характерно для тирских монет от Коммода до Каракаллы²⁰. Однако на этой же монете присутствует ромбовидная надчеканка в виде грозди винограда, которая встречается только на монетах Александра Севера (222–235 гг.) и его матери Юлии Мамеи²¹. Причем В.А. Анохин пишет, что, по всей вероятности, операцию по надчеканке монет Александра следует относить еще к его правлению. Кроме того, А.Н. Зограф писал, что на монетах Домициана встречаются круглые надчеканки с изображением виноградной кисти, такие же ромбовидные надчеканки – на монетах Александра Севера²².

Далее Н.А. Сон поставила под сомнение условия находки вышеописанной монеты и попыталась связать ее с более поздними вторжениями в слой²³. В частности, она пишет, что монета найдена не в уровне пола, а в юго-западном углу помещения при расчистке завала камней, на 0,2 м выше уровня пола. Вспомним, однако, что толщина завала черепицы, лежавшей на полу, составляла 0,2 м, в нем были найдены три мраморные скульптуры, и что толщина завала камней составляла 0,7 м, а сам он был перекрыт желтоглинистым слоем, явно нивелировочным.

В связи с тем, что наиболее поздние монеты из слоя разрушения в Тире, так же как и в Ольвии, датируются временем Александра Севера, представляется возможным связать его не с походом карпов 214 г.²⁴, а с первыми вторжениями варварских племен в пределы Римской империи – к

232–238 гг.²⁵ Оба центра были практически сразу восстановлены, однако ни в Ольвии, ни в Тире помещения домашних святилищ восстановлены не были, их засыпают под новое строительство.

¹ См.: Мак-Коркодейл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. – М., 1990. – С. 12.

² Richter G.M.A. Catalogue of Greek Sculpture. – Cambridge, 1954. – P. 36; Comstock M. B., Vermeule C. C. Sculpture in Stone. The Greek, Roman and Etruscan Collections of the Museum of Fine Arts. – Boston, 1976. – P. 30.

³ Lexicon iconographicum mythologiae Graecae. – Munchen, 1984. – II. – P. 30, 41, 62, № 287, 512.

⁴ Krapivina V.V. Despre sanctuarele casnice de la Nordul Marii Negre // Interacademica. II-III. – Bucuresti, 2001. – P. 105-108; Крапивина В.В. Домашние святилища конца 2 – первой трети 3 вв.н.э. в Ольвии и Тире // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. 11 Заседание Совместной Комиссии по исследованию в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАН Украины и Румынской АН. Тезисы. – Симферополь, 2006. – С. 26-28.

⁵ Крапивина В.В. Комплекс жилых домов II-III вв. н.э. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии // Новые страницы древней истории Южной Украины. Тезисы международной конференции. – Николаев, 1997. – С. 23-24; Крапивина В.В., Буйських А.В., Крутілов В.В. Археологічні дослідження 1998 р. в південній частині Ольвії // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. – К., 1998. – С. 87.

⁶ Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв.н.э. – К., 1993. – С.153-154.

⁷ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992. – С. 102-103.

⁸ Там же. – С. 143-144, 148.

⁹ Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище // Боспор и античный мир. – Нижний Новгород, 1997. – С. 103-104.

¹⁰ Фурманська А.І. Розкопки Тіри в 1958 р. // АП УРСР. – Т. XI. – 1962. – С. 131-133; Сон Н.А. Тира римского времени. – К., 1993. – С. 115-116.

¹¹ Подробнее об этих двух красноглиняных горшочках с надписью белой краской см.: Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. – 1973. – 1. – С. 62-63.

¹² Фурманська А.І. Вказ. праця. – С. 129-134.

¹³ Там же. – С. 130.

¹⁴ Там же. – С. 132.

¹⁵ Там же. – С. 131-133; Сон Н.А., Указ. соч. – С. 115-116.

¹⁶ Благодарю А.С. Русяеву за предоставленную информацию.

¹⁷ Фурманська А.І. Вказ. праця. – С. 134-135.

¹⁸ Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. – К., 1985. – С. 104

¹⁹ Крапивина В.В. О разгроме Тире в первой половине III в. н.э. // ДП. – Вып. VIII. – Одесса, 2008. – С. 191-198.

²⁰ Сон Н.А. К истории позднеантичной Тире // Античная культура первых веков нашей эры. – К., 1986. – С. 144-145.

²¹ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989. – С. 101; Фролова Н.А. Каталог монет античной Тире. – М., 2006. – С. 75. Монеты Александра Севера и Юлии Маеи с такими надчеканками – см. с. 108-111.

²² Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. - № 16. – 1951. – С. 120.

²³ Сон Н.А. К истории... - С. 145.

²⁴ Сон Н.А. К истории... - С. 148; Сон Н.А. Тира римского...- С. 53-54; Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. – МАИЭТ. – Suppl. 3. – Симферополь, 2007. – С. 201-202.

²⁵ Крапивина В.В. О разгроме Тире ...– С. 195-196.

А. В. Красножон (Одесса, Украина)

ЛИТОВСКИЙ ЗАМОК КАЧУБИЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ОДЕССЫ

Историография, посвященная проблеме основания замка Качубиев на месте современной Одессы, насчитывает более полутора веков. Тем не менее, до сих пор не решен вопрос: когда и кем он был построен? Новый подход к старой проблеме, через призму историко-архитектурного анализа известных документальных и картографических источников, и выражен в данной статье.

Самый поздний план Хаджибейского каменного замка принадлежит авторству русского инженера Фрейгана и датирован сентябрем 1789 г.¹ Чертеж не привязан к местности и на нем отсутствует масштабная шкала. Замок изображен как прямоугольная в плане постройка с четырьмя башнями. Две круглые располагаются на углах куртин, по главному фасаду. Между ними находится квадратная в плане надвратная башня. Входы в круглые башни расположены со двора. Сооружения, как и куртины главного фасада, снабжены брустверными стенками с мерлонами.

Противоположный фас крепости усилен единственной пятисторонней в плане башней, которая находится между двумя куртинами, протянутыми к укреплению под углом от боковых фланков. Башня подписана на плане Фрейгана, как «бастион», хоть и не являлась таковым. Левая, по геральдическому принципу описания, часть крепости отличается слабостью обороны. Куртина на этом фланке значительно тоньше, чем на остальных фронтах. На ней нет боевого хода, брустверной стенки и мерлонов. С внутренней стороны к куртине примыкают несколько построек хозяйственного или казарменного типа, которые протянулись вплоть до пятиугольной башни. С внешней стороны к рассматриваемой куртине замка пристроена внушительных размеров ограда без мерлонов и бойниц. Таким образом, основное направление атаки строители замка ожидали со стороны главного фасада, где были установлены круглые башни. В то время как наименьшей способностью к ведению активной обороны обладает вся левая сторона замка. Это означает, что с правого фланка штурму крепости